

УТВЕРЖДАЮ
Исполняющий обязанности ректора
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский государственный
институт культуры»
кандидат педагогических наук,
доцент
Омельченко Игорь Николаевич

« 29 » августа 2022 г.

ОТЗЫВ

**ведущей организации ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры» на диссертацию
Сливковой Юлии Викторовны
«Музеефикация тюрем как форма культурной интеграции
травматического наследия (по материалам Западной Сибири)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата культуролога
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры
(культурология)**

Актуальность темы диссертационного исследования.

Рецензируемое диссертационное исследование можно рассматривать как один из опытов в современной культурологии изучения травматического наследия, которое базируется на негативном опыте человеческого бытия, в контексте исторической памяти. Это новое направления для отечественной науки, несмотря на то, что в русской культуре, безусловно, всегда сохранялись события и факты, оставивших недобрую память в истории как в виде объектов нематериального (исторические песни о разбойниках, об Иване Грозном, военных набегах степняков и др.), так и материального (места казней, расправ и др.) наследия. Традиция музеефикации мест лишения свободы отражена в создании доступных мест заключения, например, таких как рavelин в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. В русской культуре музеефикация тюрем, мест ссылки является по своей природе формой рефлексии на государственном и народном уровнях «трудного» наследия, поскольку русская мудрость «от тюрьмы и от сумы...», может быть отнесена к категории вечных ценностей и национальных архетипов.

Представленная диссертация интересна и актуальна тем, что объективно она отражает наполнение западноевропейских штудий русским содержанием и осмыслением. Изучение травматического наследия и форм его презентации актуализируется фактором модернизационной трансформации, свойственной современному периоду социально-политического развития России. Тема музеефикации тюрем представляет особый интерес с позиций изучения адаптационных возможностей общества, тенденций развития в сфере культурных процессов. В контексте интереса к подобной проблематике культурологов, попытка автора диссертации провести исследования в малоизученной области изучения «трудного» наследия и его музеефикации достойна внимания.

Новизна исследования и полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Ю. В. Сливкова выделила группу тюрем-музеев как особый феномен в рамках культурологического и музееведческого знания, разработала критерии для определения специфики их создания, функционирования и условий их интеграции в культурное пространство региона.

Положительной чертой диссертации является наличие литературы на иностранных языках по теме диссертации. Исследование носит комплексный характер и базируется на добросовестной обработке и осмыслении материалов из культурологических, музееведческих, социолого-политологических, исторических и философских трудов для объективного решения поставленных в диссертации задач.

Текст работы написан грамотным научным языком, объект и предмет сформулированы корректно. Задачи соответствуют поставленной цели, методология исследования представляется корректной. Структура диссертационной работы выстроена в соответствии с целью и задачами.

В 1-ой главе «Концептуальные основы музеефикации травматического наследия» Ю. В. Сливкова рассматривает травматическое наследие в контексте научных представлений о коллективной памяти (Э. Дюркгейм) и популярного в последнее время направления – культурной памяти (М. Хальбвакс, Я. Ассман, П. Рикер). Автор прослеживает связь исследования диссонантного исторического опыта с негативным наследием, отложившемся в коллективной памяти, как в духовных, так и материальных свидетельствах (П. Нора, А. Ассман, Л. Меселл). Отечественная рефлексия на западную новацию исследования исторической памяти проанализирована в работах М. Б. Гнедовского, З. Бонами, В. Г. Ананьева, Д. Хлевнюк и др., сосредоточенных на «трудном», «диссонантном» наследии ГУЛАГа, создании «музеев совести» и пр. Также рассмотрены работы, освещающие музейную репрезентацию

«травматического» национал-социалистического наследия в Германии. В главе рассмотрены коммеморативные практики, которые существуют в России на государственном, локальном, персональном уровнях, и представлены в двух формах – сакрализации и музеефикации. Автор считает, что процесс музеефикации осложняется такими факторами как коммерциализация музеев, изменение функций современных музеев и их превращением в агентов общественного влияния. Все это в полной мере затрагивает проблемы музеев-тюрем и их функционирования. Глава насыщена обзором и анализом важнейших научных трудов зарубежных (как в переводе, так и на языке оригинала) и отечественных авторов в области исследований проблем исторической памяти, коммеморации травматического наследия и современным формам его презентации.

Первая глава играет роль теоретического основания для последующих глав диссертации. **Во 2-й главе** «Теоретические и практические аспекты музеефикации тюрем» внимание автора сосредоточено на анализе российского и международного опыта музеефикации бывших тюрем, критериях классификации тюрем-музеев, стратегиях и формах музеефикации тюрем и феномене музеефицированной тюрьмы. Ю. В. Сливкова рассматривает разнообразие практических форм музеефикации тюрем, стратегии сохранения этого вида культурного наследия. Авторскими критериями классификации музеев-тюрем являются инициаторы и временные рамки создания музеев, хронологические рамки экспозиции, расположение объекта и ассортимент предоставляемых услуг.

В 3-ей главе «Тюрьма-музей в культурном пространстве региона (на примере Западной Сибири)» пытается осветить музеефикацию травматического наследия в тюремных музеях Западной Сибири, на примере Мемориального музея истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД» (г. Томск), Музея Сибирской каторги и ссылки (г. Тобольск), Церковно-исторического музея при храме в честь новомучеников и исповедников Церкви русской (пос. Ложок, Новосибирская область), а также проекте музеефикации Тюкалинской пересыльной тюрьмы (г. Тюкалинск, Омская область). Ценной частью работы является анализ восприятия музейной интерпретации «трудного» наследия, выполненный на основе массива реальных отзывов посетителей.

В Заключении диссертации автором лишь констатируются основные наблюдения.

Текст предоставленного автореферата соответствует основным положениям диссертации.

Обоснованность и достоверность научных положений

Сформулированные в ходе исследования положения логичны и последовательны, выводы аргументированы. Результаты исследования были отражены в публикациях автора; они обсуждались на заседаниях и научно-методологических семинарах кафедр, озвучивались автором в докладах на российских и международных конференциях. Представленные в исследовании положения об особенностях процесса музеефикации тюрем как о форме культурной интеграции травматического наследия соответствуют паспорту специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Проблемы музеефикации исправительных учреждений остаются малоизученными в отечественной науке. Результаты диссертационного исследования Ю. В. Сливковой могут быть использованы при разработке учебных курсов по культурологии и музееведению. Они служат ценным источником информации для практикующих специалистов.

Замечания по диссертационной работе.

Выскажем замечания в адрес рецензируемой диссертации, определим ее недостатки и пробелы в содержании.

По теоретико-методологическому блоку, представленному Введением, высказаны следующие замечания.

1. В рубрике «Степень научной разработанности темы» (с. 6-7) наряду с трудами авторов по теме приводятся работы, составляющие теоретическую основу диссертации (Э. Дюркгейм, Я. Ассман и др.), что было бы уместнее в рубрике «Методология и методы работы»; часть приведенных авторов отсутствует в списке литературы (А. Я. Флиер, Л. Н. Коган, Г. М. Маклюэн, А.Н. Леонтьев, Ю. М. Лотман). Вместе с тем не упомянуты и не охарактеризованы важные для диссертации работы по тюрьмам-музеям иностранных (М. Уэльш, Т. Беннет и др.) и отечественных (например, М. А. Погорелов) авторов. Необходимая систематизация трудов по теме диссертации не была проведена ни по хронологии, ни по основным проблемам.

2. Сформулированные задачи не полностью отражают алгоритм их решения, изложенный в Оглавлении (например, выпала задача рассмотреть травматическое наследие в контексте культуры памяти, она же не включена в предмет исследования).

3. В рубрике «Методология и методы исследования» присутствует перечисление общенаучных методов, отсутствует развернутое описание методологической основы работы (с. 9). Частично характеристика методологии дана в рубрике «Степень научной разработанности темы» и развернуто материал подан в параграфе 1.1. Тем не менее,

следовало придерживаться установленных требований к написанию данной рубрики Введения.

4. Источниковая база исследования не описана в соответствии с общепринятой в науке классификации – письменные источники (опубликованные, неопубликованные), изобразительные (фотографии, графика и пр.), вещественные (предметы из коллекций музеев, объекты культурного наследия и пр.), электронные ресурсы. В работе в основном задействованы электронные ресурсы, не используются письменные источники из архивов. Только в одном случае в тексте приводятся документы по проектированию экспозиции Тюкалинской пересыльной тюрьмы без ссылок на научный архив музея. Необходимо заметить, что теоретические и практические исследования в области музеефикации объектов культурного значения не являются по своей природе источниками (это научная литература).

По тексту диссертации были высказаны следующие общие замечания.

5. Существенным общим замечанием является недостаточная работа автора с понятийным аппаратом. Определения основных терминов «культурное наследие», «травматическое наследие», «коммеморация», «музеефикация» не даются в окончательной формулировке. Из приведенных Ю. В. Сливковой цитат остается неясной авторская позиция (с. 22, 23-24 и др.). Например, термин «музеефикация» упоминается вместе с термином «сакрализация» и интерпретируется автором как форма коммеморации (с. 27), одна из практических мер (форм?) по сохранению культурного наследия (с. 36), также даны определения из Российской музейной энциклопедии (с. 36-37) и М. Е Каулен, которое принимается автором за основное – «музейное использование любого объекта, движимого или недвижимого, который изымается из среды бытования и помещается в особую искусственную культурно-историческую среду, создаваемую музеем» (с. 37). Остается неясным, что имеет автор в виду – форму сохранения, меру сохранения или музейное использование? На с. 128 в качестве формы возникает еще и мемориализация.

Не определен авторский подход к объему понятий «травматическое наследие». Для западноевропейской культуры – это любая тюрьма, страдания заключенных, назидание обществу (но есть и места казней, расправ и пр.), то для России по тексту это обязательно репрессии и ГУЛАГ. К трудному наследию можно отнести и музей Г. Распутина (неоднозначная фигура) в Тюменской области, место казни и захоронения членов царской семьи в Свердловской области, места ссылок и пр.

6. Не совсем корректно автор использует исторические факты. Например, касаясь о музейном кризисе в 1960-е гг. в Западной Европе, автор переносит данную ситуацию в СССР, что неверно, так как проблема музейной коммуникации в нашей стране остро

встала в 1970-е гг. В СССР музеям уделялось большое внимание, это были важные просветительские идеологические центры. Недофинансированность отрасли, отсутствие строительства новых музеев – это другие проблемы. Вывод автора об «устаревании» традиционного музея сомнителен (с. 37-38).

Коммерциализация музеев и распространение частных музеев также были процессы долгие. Российские музеи в 1990-е гг. осваивали коммерцию не с целью процветать, а чтобы не закрыться и сохраниться. Автор сама указывает, что пик появления частных музеев падает на период 2010-2017 гг., когда музеи освоились в новых рыночных условиях (с. 39, 40).

На с. 94 автор считает «неоспоримым» роль заключенных в промышленном развитии Сибири. При этом непонятен период, который имеется в виду. Для первого периода ссылки это было так, но в XVIII в. ситуация изменилась и т.д.

Указание количества жертв репрессий в местах лишения свободы приводятся без ссылок (с. 109, 100, 116).

7. На с. 42 автор рассуждает о функциях музея, которые тоже должны быть пересмотрены. За базовое представление о функциях музея берется точка зрения А. Д. Тельчарова (с. 42), тогда как в других учебных пособиях существует другая. Большинство отечественных музееведов разделяют понятия деятельность музея и функции музея. У А. Д. Тельчарова функции образованы от деятельности музея, а альтернативное мнение идет от роли музея в жизни общества (функции документирования, культурно-просветительская и досуговая). Функции музея реализуются в деятельности. Современные технологии влияют на структуру музея. Появление депозитариев (то есть обособленного хранения коллекций) не уничтожают хранительскую деятельность музея. У музея Гуггенхайма тоже есть коллекция, собранная его основателем, хотя музей работает с коллекциями разных собственников. Разнообразие современных музеев объясняется тем, что появилось много учреждений музейного типа, которые тоже требуют своего исследования и анализа как новое явление.

8. На с. 44 автор пишет, что «привычные классификационные схемы постепенно утрачивают свое значение» и предлагает актуальную классификацию «на основе анализа современного состояния отрасли ... следует обратить внимание на ресурсную составляющую музеев, определяющую стратегию их развития». В выводах по главе на с. 53 основание для классификации называется еще один признак – формы коммуникации с посетителем. Здесь необходимо заметить, что классификация в науке носит служебный характер и создается с определенной целью, что именно надо выяснить и выявить новое знание. На с. 60 автор приводит классификацию М. А. Погорелова, на наш взгляд, очень

удачную, которая позволила ее автору сделать исчерпывающую характеристику пенитенциарных музеев в советской России в 1920-е гг. Классификаций может быть создано много для каждой поставленной цели. Это инструмент познания и приведенная автором на с. 69-70 цитата из работы А.Л. Субботина об этом и говорит – приведение имеющихся знаний в систему и метод систематизации определенной предметной области, т. е. инструмент.

Предложенная автором основания для классификации не выходит за рамки существующих. Цель классификации не сформулирована, но по описанию тюрем, рассматриваемых в 3 главе понятно, что она понадобилась для характеристики этих объектов. В этом отношении можно признать, что созданная классификация вполне рабочая и выполнила свою задачу. Например, признак времени создания тюремных музеев дает автору ясно представить особенности выбора методов организации музеев, их деятельности и пр. (с. 74). Но в других исследованиях этот признак может быть нерабочим, нейтральным и пр. Приведенная выше классификация М. А. Погорелова более универсальна и может быть использована другими исследователями. При этом необходимо заметить, что при самой разработке классификации нарушены правила ее создания. Во-первых, нельзя в группу объединять музеи по двум основаниям. Например, по ведомственной принадлежности и источнику финансирования (с. 72). Ведомственная принадлежность предполагает отношение к определенному ведомству (различным учреждениям – профильным министерствам, академии наук и пр.), тогда как источник финансирования предполагает государственные, частные и пр. музеи. Во-вторых, основания нечетко сформулированы. По признаку «по направленности музея» выделено три группы – исторические (по факту это профиль музея), мемориальные (такие музеи по профилю тоже могут быть историческими «по направленности»), архитектурно-технические (могут быть одновременно историческими и мемориальными), то есть правило классификации разделения по горизонтали не соблюдено. Классификация по типу хранимого наследия озадачивает. Что хранят виртуальные музеи? (с. 76). Деление на коллекционные и ансамблевые музеи не является классификацией, это уже типология как это определено в Российской музейной энциклопедии. В этом смысле виртуальные музеи могут быть тоже самостоятельным типом музея. В описании тюрем-музеев можно пользоваться термином «сайт-музей», т. е. музей, который создается непосредственно на месте событий (например, Следственная тюрьма НКВД, Томск, с. 100-107).

9. Автор некритично относится к используемому в работе материалу. Непонятно, почему автору понравилась аналогия музея как социального института с тюрьмой (с. 41). В таком случае медицинская «анатомичка» также в родственных связях с современным

театром (анатомический театр). Сомнительна «дисциплинарная функция музея» (с. 90). Музеи создавались не для того, чтобы «надзирать и наказывать». Петр Первый при основании Кунсткамеры писал: «Я хочу, чтобы люди смотрели и учились». Выставочное пространство характеризует массу других мест, где есть компонент демонстрации (церковь, магазин, выставка достижений и пр.). Тем более, что автор сам приводит цитату на с. 96 о природе музея – «институт сохранения исторической памяти народа, хранящего и транслирующего народообразующую систему ценностей» («Стратегия развития деятельности музеев РФ на период до 2030 года»).

10. В диссертации не освещен вопрос об экспертизе, в результате которой устанавливается, обладает объект (тюрьма) признаками культурного наследия, вскрываются все обстоятельства, почему должна произойти мемориализация, необходимость и возможность создания музея, а также определена его миссия. Не акцентировано отличие тюремного наследия как составной части культуры и тюрьмы как наследия (с. 92). В российской традиции коммеморации с общественно-значимыми событиями, тогда как западной культуре травматическая культура разрабатывается под знаком З. Фрейда, то есть с очень большой психологической составляющей, которая направлена на самые глубинные инстинктивные реакции человека, удовлетворение которых связано с коммерциализацией музеев.

У музея нет «власти» выбирать объекты для увековечения (с. 91), у музея есть функция, которая сформирована общественной потребностью хранить материализованную память о социально-значимых событиях, процессах, личностях и т.д. (функция документирования).

11. В тексте встречены ошибки: переставлены инициалы исследователя С. Ю. Сидоровой (в сносках и в списке литературы на . 143), фамилия Ассмана с двумя «н» (с. 13).

12. Таблицы и фотографии, документы научного проектирования по музею в Тюкалинске уместнее были бы в приложении. Классификационная схема также могла быть представлена в виде схемы в приложении. В диссертации нет списка сокращений.

Диссертация Сливковой Юлии Викторовны производит положительное впечатление качественной научной работы. Стиль и оформление соответствуют предъявляемым требованиям, поставленная цель достигнута, задачи в целом решены. **Диссертация соответствует критериям, установленным «Положением о порядке присуждения учёных степеней».** Соискателя в полной мере можно считать

квалифицированным ученым, способным к решению нетривиальных научно-исследовательских задач.

Отзыв подготовлен доктором культурологии, профессором, профессором кафедры музейных технологий, истории и туризма Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный институт культуры» Семеновой Валентиной Ивановной.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании кафедры музейных технологий, истории и туризма Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тюменский государственный институт культуры», протокол № 1_ от « 29 » августа 2022 года.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный институт культуры»

Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д.19.

Тел.: (3452) 29-70-39

Электронная почта: tgiik-rektorat@mail.ru

Сайт: <http://tumgik.ru/>

Руководитель
декан факультета социально-культурных технологий,
доктор социологических наук

Евгений Михайлович Акулич

Заведующий кафедрой музейных технологий, истории и туризма,
искусствоведения и музейного дела
доктор культурологии, профессор

Семенова Валентина Ивановна

